

Н.Л. Панина

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.¹

***Аннотация.** Конец XVIII – начало XIX в. в России является переходным периодом в истории иллюстрирования детской образовательной книги, когда функция интермедialного представления знаний о мире как целостности переходит от книги эмблем к энциклопедии и сборнику нравоучительных рассказов. В поисках новой формы связанности взамен утраченной эмблематической бимедialности текста и иллюстрации издания, претендующие на всеохватность, интегрируют эмблематический, энциклопедический и повествовательный принципы изображения.*

Ключевые слова: детская книга, педагогика, иллюстрация, интермедialность.

В последней трети XVIII в. детская литература в России оформляется как самостоятельное направление издательской деятельности с особыми целями и задачами. Закладывается основа для дальнейшего поиска специфических приемов оформления детской книги, в том числе образовательной. В первой четверти XIX в. она имеет общеевропейский облик и подчиняется принципам иллюстрирования, унаследованным от XVIII в.: преобладающие в массе изданий переводы и переработки текстов чаще сопровождаются копированием иллюстраций, чем разработкой новых. Формы взаимодействия текста и изображения, о которых речь пойдет ниже, за немногим исключением заимствуются из оригинальных изданий, как правило, немецких, реже французских [1. С. 384], и их появление на российском книжном рынке не отражает последовательности их зарождения в Западной Европе. Поэтому здесь они рассматриваются как некоторый массив, составивший почву для дальнейшего развития русской книжной графики и визуальный контекст поиска интермедialных инструментов обучения.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 20-012-00529.

Об общеевропейском характере русской детской книги можно говорить вплоть до конца первой четверти XIX в., когда начинается этап активного самостоятельного развития, прежде всего в сфере литературно-художественной [2. С. 44], но общий подъем затрагивает и сферу образовательную. Этим временем датируются педагогические эксперименты, на которых я хочу остановиться, хотя их анализ не входит в задачи данной статьи. Дело в том, что именно они задают общую исследовательскую перспективу рассмотрения интермедийных инструментов научения. В них поиск способов системного представления знаний о мире и представления мира как системы выходит на тот явный уровень, которого современная им детская образовательная книга не достигла. Но анализ ее показывает, что при всем своем новаторстве эти поиски не происходят в полном вакууме.

Направление, в котором движется творческая мысль педагогов, ищущих способы системного представления знаний, можно обозначить как поиск связности: интермедийной связности представления знаний, которая отражала бы всеобщую связность явлений. В первую очередь речь идет о В.А. Жуковском, в середине 1820-х гг. разработавшем для наследника престола систему мнемонических таблиц, а в середине 1840-х – начале 1850-х гг. – серию учебно-методических пособий для детей наследника престола и собственных детей. Педагогическое новаторство Жуковского привлекает сегодня все больше внимания в рамках истории отечественной педагогики, но объем этой части его наследия очень велик и его исследование только начинается.

Состояние педагогики, которое хотел преодолеть В.А. Жуковский, Дамиано Ребеккини кратко и емко обозначил как «засилье текстов» [3. С. 249]. Как и многие его современники, В.А. Жуковский в своих опытах следует за Руссо, Песталоцци, Нимейером, но в отличие от последних, использовавших только текст в качестве компонента мнемонической таблицы, он вводит в нее изображение в форме графического символа, отчасти возвращаясь к античному методу мест и его средневековым вариациям, ассоциируя с каждым событием определенное зримое место, *locus*, и его видимое наполнение – изображения, *imagines*, и графические знаки, *notae* [4. С. 18, 61]. В.А. Жуковский разрабатывает символы персонажей, действий и мест действий, которые в соединении с датами визуализируют и размещают в мнемонической конструкции факты истории, географии, физики, естественной

истории, истории искусств [3. С. 244, 254]. Одна из его задач состояла в том, чтобы направить воображение ученика, оставив ему свободу ассоциаций, возможность соотнести событие с прочитанным в книге или увиденным на картине. Еще одной задачей было формирование навыка сопоставления. Целью же всей гигантской мнемонической системы, в которую складывались таблицы, было, очевидно, выявление наиболее общих закономерностей мироустройства [Там же. С. 256]. Жуковского интересовала и сюжетно-образная иллюстрация как источник индивидуальных впечатлений, ассоциаций, помогающих обучению. Так, добиваясь формирования у дочери абстрактных понятий и представления о предметах, отсутствующих в непосредственном восприятии, он сочетает изображения, соответствующие ее конкретным представлениям (деревья, предметы, дом), со схемами, планами и картами [5. С. 94].

В.А. Жуковский прекрасно ориентировался в европейском и российском педагогическом контексте, его библиотека включала большое количество образовательных изданий [6]. Они не могли предоставить разработанного инструментария для решения интермедийных задач не только по причине «засилья текстов», но и потому, что общая логика изобразительного ряда не выдерживалась даже в тех случаях, когда в форме книги была заявлена строгая система. Тем не менее в детской книге того времени можно выявить определенную типологию изображений, основанную на способах представления отношений между предметами и явлениями. Выделив типы связности в иллюстрациях и графике детских образовательных изданий, можно попытаться понять, от чего отталкивались педагоги-новаторы, какие средства для визуализации связей между предметами и явлениями, для систематического представления знаний о мире им предлагались в готовом виде.

В европейской традиции XVI–XVII вв. таким средством была книга эмблем, к началу XIX в. уже дано пережившая свой расцвет, но продолжавшая существовать. Изображение в ренессансной и барочной эмблеме было не просто одним из ее структурных элементов, наряду с девизом и комментарием, оно было обязательным условием формирования значения. Значение раскрывалось в итерационном процессе игры энигматического изображения с текстом по мере продвижения от общего к частному: читатель не только постигает некое универсальное значение представленного явления, но и может соот-

нести его со своей частной ситуацией. Очень важны в эмблеме игровое начало, наличие загадки, возникающей от остроумного соположения названия, девиза, – кратких вербальных форм, – и изображения. Загадка разрешается в комментарии, и чем изобретательнее связь слова и изображения, чем больше итераций их сопоставления проходит читатель, направляемый целой системой приемов, тем сильнее оказывается педагогический эффект эмблемы [7. С. 88 и др.].

Эмблематическая установка на «мирорассматривание» [Там же. С. 90] и аллегорический метод познания мира со сменой эпох уходят в прошлое, что неизбежно влечет за собой выветривание эмблематической формы: при внешнем ее сохранении и долгой жизни (издание «Полезные и занимательные эмблемы» на русском языке выходит в 1816 г.) утрачивается богатство подтекстов, составляющее ее смысл. В адаптации книги эмблем для детской аудитории, происходившей в основном путем механического сокращения, изображение сопровождается подписью-названием, комментарием и даже в некоторых местах девизом, но диапазон направляющих читательское внимание приемов комментария сводится к минимуму. Из возможных уровней значений остается универсальный, побуждение же читателя к поиску соответствующих примеров в собственной жизни встречается чрезвычайно редко. Что же касается энигматического напряжения между картинкой и названием, то оно во многих случаях остается просто неразрешенным, так как упрощение текста не сопровождается упрощением изображения, и множество атрибутов, рассредоточенных по планам, не находят никакого объяснения, как в случае «Оскорбления» (рис. 1), когда текст сосредоточивается исключительно на главной аллегорической фигуре:

Прилично только слабому оскорблять. И так, по мнению Аристотелеву, оно свойственно молодости, поелику не имеет она силы употребить другого оружия для изъяснения своего гнева.

Представляют оное в образе молодой девицы в положении гордом, имеющей глаза воспламененные; пенящиеся ея уста, означают действия смущения души; раздвоившийся язык, на подобие змеинаго, имеет отношение к ядовитости ея выражений. Она держит розгу, составленную из терния, и попирает ногами весы для означения, что поступает несправедливо [8. С. 13].

Рис. 1. Полезные и занимательные эмблемы. Москва, 1816 г.

Приемами, направляющими внимание читателя от комментария к картинке, являются указания на нее («представляют оное в образе») и экфрасис, сопровождаемый объяснением («пенящиеся ея уста, означают»). В эмблеме времен ее расцвета экфрасис обеспечивал наивысшую степень интермедиальной связности [7. С. 236], здесь же происходит обратное. Обобщающий момент, который содержится в указании как отсылка к традиции («представляют», «изображают»), отрывает комментарий от данной конкретной картинки и делает его рассказом об изображении этого явления вообще. В результате интенсивность взаимодействия изображения и текста ослабляется, размывается собственно интермедиальный компонент формирования значе-

ния. Инвенционный, творческий компонент конституирования смысла эмблемы, необходимый для запоминания, то есть педагогического эффекта, в упрощенной «детской» эмблеме также теряется.

В большей мере и интермедиаальный, и творческий компоненты задействованы в другой форме образовательного издания, в определенной степени связанного с традицией эмблематической, однако связь эта опосредованная. Речь идет о гербах, сопровождающих текст шеститомного «Детского атласа или Нового удобного и доказательного способа к учению географии» Дильтея, издававшегося в 1768–1778 гг. Этот принцип визуализации географических сведений находится в русле европейской традиции приобщения детей к политической карте с помощью наглядной систематизации правящих домов как в виде иллюстрированных книг, так и в виде настольных игр с геральдической символикой. В «Атласе» Дильтея к приемам вовлечения читателя добавляется вопросно-ответная форма текста, в которую органично встроены отсылки к изображениям и творческие задания:

В[опрос]. Какие суть гербы Гишпанские?

О[вет]. Французской щит, окруженной орденом Златаго Руна, он разделен перпендикулярно и горизонтально на четыре части <...> Я присоединяю на фигуре С. гербы Гишпанские, как оные суть ныне, оставляя без изъяснения для упражнения ученикам, упражняющимся в Геролдической науке [9. С. 115].

В. Что вы примечаете вообще о Геролдической науке по причине Гишпанских гербов?

О. Я примечаю цветы и металлы в щите означенным числом 7, которой перпендикулярно разделен, и два раза горизонтально. Первая четверть А представляет золото, вторая В. серебро, третья С. красной цвет <...> Цветы, которые редко употребляются, пропущены, исключая пурпуровый, смотри щит 10 на фигуре В. [Там же. С. 117].

При такой плотности отсылок к изображению экфрасис не работает на автономность текста, обеспечивая ему самодостаточность, как в «Полезных и занимательных эмблемах», но способствует распределению компонентов значения между текстом и изображением. Читателю предлагается совершить переход между более универсальным и частным уровнями значения и попытаться творчески применить полученные знания к изображениям, оставшимся без комментария.

Генетическую связь с книгами эмблем обнаруживают разнообразные «Зеркала» и «Зрелища», – издания, претендующие на энциклопедическую всеохватность, акцентирующие в названии идею целостного обозрения мира и отсылающие к труду Я.А. Коменского, также неоднократно издававшегося на русском языке в рассматриваемый период. Первым в этом ряду вышло в 1784–1790 гг. «Зрелище природы и художеств» [10] в русском переводе в десяти томах, содержащее сведения о науках, искусствах, ремеслах и явлениях природы в следующей форме: изображение, название, текст. Изображение на отдельном листе без подписи соотносится с названием с помощью нумерации, представляет собой сюжетную сценку, то есть носит повествовательно-образный и иллюстративный характер. Например, статья «Карп» сопровождается изображением женской фигуры, разделявающей рыбу в интерьере кухни, насыщенном огромным количеством деталей, напрямую не соотносящихся с содержанием текста [Там же. № 2]. Статья «Улитка», дающая исключительно биологические сведения, сопровождается сценой уличной торговли улитками [Там же. № 3]. Изображения энциклопедического характера, наглядно демонстрирующие объект такого описания вне контекста или в минимальном контексте среды обитания, встречаются очень редко. В большинстве случаев текст вполне независим от изображения, которое добавляет определенный комплекс значений, апеллируя к повседневному опыту ребенка, связанному с объектом описания, но эти значения не являются обязательными для формирования представления об объекте. Поясняя объект с помощью размещения его в знакомом контексте, изображение является иллюстрацией в полном смысле слова. Однако, как в случае с уличной торговлей съедобными улитками, для русского читателя многие изображения нуждались в дополнительных пояснениях, которых в книге, разумеется, не было, и механический перенос изображений из оригинального издания иллюстрированию как прояснению смысла текста не способствовал.

Чисто энциклопедический характер носят изображения в книге «Новое зрелище вселенной, представленное из Царства природы, искусства, нравов и обыкновенной жизни для детей обоего пола, к приятному и полезному их упражнению» (1804 г.): выключенные из контекста пронумерованные объекты объединены в визуальные ряды по

принципу подобия и соотнесены с соответствующими описаниями с помощью цифр [11].

Изданная в 1807 г. «Новая картинная галерея для детей, содержащая в себе предметы из царства природы, науки, художества и мастерства» задействует и энциклопедический, и повествовательный принцип иллюстрирования. При этом взаимодействие текста и изображения в первом случае носит характер формальной идентификации с помощью цифр, во втором же случае оно достаточно интенсивное. Например, статья «Угольник» сопровождается развернутым в едином сюжетном пространстве изображением этапов работы угольщика, а текст сначала отсылает к изображению: «Работа угольника изображена на нашей картине», а затем движется по картинке, последовательно описывая ее смысловые части [12. С. 37]. Встречаются в этом издании и эмблематические изображения, сопровождающие статьи «Баснословные Боги»: овальный медальон с фигурой божества и краткое изложение правил его изображения.

Тесную связь с книгами эмблем обнаруживает изданный в 1789 г. и переиздававшийся в XIX в. [13] перевод книги Г.А. Вилля «Свет зримый в лицах или Величие и многообразность Зиждителейвых намерений открывающиеся в природе и во нравах, объясненные фисическими нравственными изображениями, украшенных достойных сих предметом словом: в пользу всякого состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцам другим художникам». Изначально не предназначенная для детей, она оказалась наиболее удачным педагогическим соединением эмблематической формы и повествовательного принципа изображения. В книге 100 статей, как и должно быть в книге эмблем. Каждое представленное явление раскрывается через название, стихотворный девиз, гравюру и комментарий, в котором проявлен универсальный смысл явления. Но функция изображения здесь не обобщающая, а конкретизирующая. В изображении читатель видит не аллегория, которую нужно в воображении соотнести с конкретной ситуацией, а конкретную ситуацию, в которой нужно увидеть аллегорический смысл. Так, в статье «Лед» девиз задает универсальное звучание темы: «Надежду кто свою на щастье полагает, на ломком льде себе чертоги созидает», а изображение – его конкретизацию: беспечные конькобежцы провалились под лед на канале (см. рис. 2). Текст комментария контролирует процесс соотнесе-

ния конкретики и универсальности. Яркое описание изображенного на гравюре события заканчивается моралью:

Если отрок глупо веряется ломкому льду, то столь же глупо и большего еще наказания достойный родитель полагается на поползновенное щастие, хотя онъ гораздо чаще несмысленнаго юноши увещеван был. Щастие его нечаянное делает поползновение, и он упадает; падение его ужаснее и опаснее, нежели на льду какое бывает, и он влечет за собою свои изчадия и других в погибель [13. С. 204].

Рис. 2. Свет зримый в лицах. Санкт-Петербург, 1817 г.

Приемы, направляющие внимание читателя на изображение, в тексте не используются, но они перенесены из комментария в саму гра-

вьюру: практически на каждой из них («Лед» – одно из немногих исключений) на первом плане расположены фигуры в состоянии диалога или одна фигура в позе созерцания, с жестами демонстрации, охвата, фокусировки на представленном объекте или явлении. Популярность этого издания [1. С. 392] можно объяснить не только высоким качеством гравюр, но и соблюдением важного принципа эмблематики – остроумного сочетания названия, девиза и картинки, обеспечивающего игровое итерационное проникновение в смысл представленного явления и усиливающего педагогическое воздействие на читателя.

К энциклопедическим формам представляется возможным отнести также отдельные переводы сборников рассказов для детей художественно-дидактического плана, в которых повествовательная связность, объединяющая представления отдельных явлений, играет важную роль. В основном они сопровождаются сюжетно-образными иллюстрациями, но повествовательный характер не мешает их связи с иными принципами иллюстрирования.

Сочинение Пьера Бланшара «Сокровище для детей, или Безценной подарок милым малюткам на новый 1811 год» [14] иллюстрируется гравюрами, расположенными по две на листе, одна под другой; каждая из них сопровождается номером и подписью, идентифицирующей сюжет; в соответствующем месте текста дается отсылка к изображению. Каждое изображение служит одновременно иллюстрацией, зримо представляющей конкретную сцену, и визуальным итогом главы или законченного сюжета.

Если в книге Бланшара расположение двух изображений на одном листе скорее механическое, то в других случаях оно носит характер визуального сопоставления. Альбомная форма издания расширяет его возможности, не только помещая сюжетные изображения в каузальный контекст, но и придавая им эмблематический смысл, как это показывает вышедший в 1821 г. «Свет в малом виде или Жизнь Человеческая в Противоположных отношениях» [15]. В тексте нет никаких отсылок к парным изображениям, но они сводят в «таблицу» парные сюжеты текста и усиливают противопоставление явлений, конденсируют смысл оппозиции, иногда рассредоточенной по двум главам (рис. 3).

Сочетание эмблематического механизма итерационного смыслообразования с сюжетно-образным повествовательным и энциклопе-

дическим принципами изображения показывает издание 1824 г. «Малютка Экономка, или Добрая дочь». Двухчастная иллюстрация слева представляет сюжетную сценку, справа – набор предметов домашнего обихода, задействованных в сюжете (см. рис. 4). Текст обеспечивает последовательность переходов от чтения к рассматриванию сначала левой, затем правой части изображения с помощью разнообразных отсылок, сопровождающих очень подробное объяснение сначала сюжетной сцены, расположенной слева, затем энциклопедического изображения предметов, расположенного справа:

На сей первой картинке видите вы маленькую Аннушку, вместе с ея сестрою Катинькою и братом Николинкою, возле нянюшки, которая носит на руках самую младшую сестру их Лизаньку [16. С. 7].

На другой половине сей картинки вы видите, любезные дети, кофейной и чайной приборы. Они состоят из кофейника, молошника, чайника, сахарницы и чашек. Возле подноса стоит кофейная мельница, медная иготь и самовар.

Но чтобы вы знали, любезные дети, как растут кофе, чай и сахар, и как их готовят, я теперь вам расскажу об этом [Там же. С. 11–12].

Рис. 3. Свет в малом виде или Жизнь Человеческая в Противоположных отношениях. Москва, 1821 г.

Рис. 4. Малютка Экономка, или Добрая дочь. Москва, 1824 г.

Среди энциклопедических форм детской книги, претендующих на всеохватное описание мира, выделяется обширная группа азбук. Не только в силу многочисленности, но и по ряду других причин она требует отдельного детального изучения. Именно азбука изначально является полем для оригинального «русского» поиска образовательной интермедиальности. Форма азбуки имела особую значимость как первое в жизни ребенка конденсированное представление знаний о мире, как самая сжатая и самая общая из возможных энциклопедий. Азбука показывает мир в первую очередь через язык в его визуальной форме буквы и слова; многоязычные иллюстрированные азбуки являлись одновременно средством обучения языкам и демонстрацией многообразия и упорядоченности мира. Тяготение азбуки к энциклопедическому охвату могло быть неявным, проявляющимся только в многоязычности и эмблематическом характере изображений [17]. Оно могло быть явным, прописанным в названии: «Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука» [18]. Это издание демонстрирует возможности азбуки как поля для интермедиальных экспериментов, предлагая читателю типологически разнообразный изобразительный ряд и разнообразные варианты связи изображения и текста. Это иллюстрации – изображения, никак не фигурирующие в тексте, просто его сопровождающие и представляющие сюжеты Священной истории; это обобщающие сюжетные изображе-

ния, титулы и фронтиспис, представляющие сцены обучения; генеалогическое древо русских князей; диаграмма чудес света; схема пропорций человеческого тела; нумерованные энциклопедические иллюстрации; последовательность притчевых сюжетов.

Список иллюстрированных книг энциклопедического характера, изданных для детей в России в рассматриваемый период, не исчерпывается приведенными здесь примерами. В большинстве изданий мы находим смешение нескольких принципов иллюстрирования, обусловленное характерной для русскоязычной детской книги XVIII в. и ее европейских оригиналов интеграцией познавательной и дидактической функций [19]. Практически везде так или иначе присутствует эмблематический принцип: название, изображение и текст образуют трехчастную структуру разной степени связанности; достаточно часто встречается принцип энциклопедический: на листе собраны отдельные пронумерованные изображения однотипных объектов, выключенные из изобразительного контекста; практически везде присутствует принцип повествовательный: сюжетные, экспрессивно-образные сцены, обладающие большим потенциалом убеждения, конкретизирующие общие постулаты и вызывающие к повседневному опыту ребенка. Каждый из этих принципов привносит в детскую книгу свои способы отображения связности. Энциклопедическая иллюстрация показывает объект в ряду подобных, в перечислении, демонстрирует структуру объекта. Эмблема дает его символично-аллегорическое толкование, вскрывает его универсальное значение. Повествовательная иллюстрация показывает его функции и включенность в каузальные связи, изображая среду событийную и предметную.

Издания для детей стремятся к интеграции всех этих способов. На фоне деградации эмблематики как самостоятельного интермедиального жанра отдельные элементы эмблематической традиции активно заимствуются развивающимися формами изданий. Транзитивный характер рассматриваемого периода выражается в поисках новой интермедиальной формы связанности, аналогичной по эффективности и цельности утраченной эмблематической бимедиальности текста и иллюстрации. В поисках такой формы издания энциклопедического характера, претендующие на всеохватность, задействуют эмблематический и повествовательный принципы изображения. Набирающая силу внутри них повествовательная иллюстрация соединяется с ил-

люстрацией энциклопедической и вовлекается в механизмы взаимодействия с текстом, характерные для эмблемы.

Литература

1. Сергиенко И. Немецкие авторы – русским детям: опыт библиографии детской книги второй половины XVIII в. // Детские чтения. 2017. № 2 (012). С. 382–411.
2. Костохина М.С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX вв. М. : ОГИ, 2008. 224 с.
3. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы Жуковского и их практическое значение // Жуковский: Исследования и материалы / гл. ред. А.С. Янушкевич. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 3. С. 238–257.
4. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб. : Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 479 с.
5. Долгушин Д.В. «Педагогическая поэма» В.А. Жуковского (по неизданным материалам) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
6. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 87–124.
7. Зеленин Д.А. Поэтика книжной эмблемы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 361 с.
8. Полезные и занимательные эмблемы, Избранные из лучших и превосходных писателей, Для Детей. М. : В Типографии Н.С. Всеволожского, 1816. 82 с.
9. [Дильтей Ф.Г.] Детской атлас или Новой удобной и доказательной способ к учению географии, исправленной и умноженной Филлипом Генрихом Дилтеем, обоим Прав Доктором и Профессором Публичном Юриспруденции и истории, переведен под руководством тогоже Проф. с французского на российский язык гвардии Измайловского полку Сержантом Михайлом Александровичем г. Новосильцовым, и гвардии Преображенского полку Капралом Иваном Дмитриевичем г. Карповым : в 6 т. М. : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768. Т. 1. 325 с.
10. Зрелище природы и художеств : в 10 ч. СПб. : Изданием Императорской Академии наук, 1784. Ч. 3. 100 с.
11. Новое зрелище вселенной, представленное из Царства природы, искусства, нравов и обыкновенной жизни для детей обоого пола, к приятному и полезному их упражнению : в 2 кн. М. : Унив. тип., 1804. Книга первая. 495 с.; Книга вторая. 465 с.
12. Новая картинная галерея для детей, содержащая в себе предметы из царства природы, науки, искусства и мастерства, тщательно с натуры срисованные и на Российском, Французском, Немецком, Италиянском и Англинском языках внятно описанные : в 2 ч. М. : Тип. Федора Любия, 1807. Ч. 1. 172 с.; Ч. 2. 294 с.
13. [Вилль Г.-А.] Свет зримый в лицах или Величие и многообразность Зиждителей намерений открывающиеся в природе и во нравах, объясненные

фигурными нравственными изображениями, украшенных достойных сих предметом словом: в пользу всякого состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцами другим художникам / перевел с немецкого языка на Российский Иван Хмельницкий. СПб., 1817. 400 с.

14. [Бланшар П.] Сокровище для детей, или Безценной подароць милым малюткамъ на новый 1811 годъ : в трех частях. Сочинение Петра Бланшарда. М. : Унив. тип., 1811. 295 с.

15. [Масселень Г.] Свет в малом виде или Жизнь Человеческая в Противоположных отношениях. Соч. Г. Масселеня. С 20-ю Гравир. картинами. М. : Тип. Августа Семена, 1821. 248 с.

16. Малютка Экономка, или Добрая дочь. С гравированными картинками / перевод с немецкого. М. : Тип. Павла Кузнецова, 1824. 54 с.

17. Полная азбука Русская, Латинская, Греческая, Немецкая и Французская. С присовокуплением всех правил для произношения в сих языках. М. : Унив. тип., 1840. 27 с.

18. [Вавилов П.А.] Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука, содержащая в себе все нужные и полезные познания для детей и других некоторого возраста и звания людей с 5ю виньетами и 15ю искусно Гравированными Картинами. М. : Тип. Н.С. Всевожского, 1818. 190 с.

19. Антипова И.А. Образовательная книга для детей в России во второй половине XVIII в.: вопросы издания и типологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 23 с.

Illustrations in Children's Educational Books in Russia in the Late 17th – Early 19th Centuries

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 82–99

DOI: 10.17223/23062061/23/5

Nina L. Panina, Novosibirsk State University (Russian Federation). E-mail: pa.nina@mail.ru

Keywords: children's book, pedagogy, illustration, intermediality.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

The aim of this article is to analyse the transition period in the history of illustrating children's educational books on the material of Russian-language publications. It is the period in which the function of an intermedial representation gradually develops from emblematic to encyclopedic and narrative-figurative images. This process is related to the literary history of children's books and their genre transformations. In the last third of the 18th century, children's literature in Russia was formed as an independent direction with its special goals, and the basis for further search for specific methods of children's book design, including educational ones, was laid. In the first quarter of the

19th century, the children's book had a typical European visual design and continued the trends inherited from the 18th century: translations, borrowings, and revised texts in publications often copied illustrations rather than made new ones. A new stage came at the end of the 1820s, when Russia was actively developing independent children's literature, and professional authors and criticism appeared. It was the time of the pedagogical experiments of Vasily Zhukovsky. This article does not claim to analyse Zhukovsky's pedagogical activity comprehensively, but this activity is significant for the subject-matter of the study. In his pedagogy, Zhukovsky went to a new level when searching for intermedial ways of transmission of the universal coherence of phenomena, the systemic representation of knowledge about the world, and the ideas of the world as a system. The search, though much slower, was also observed in contemporary children's books. The integration of cognitive and didactic functions in the Russian-language children's book of the 18th century resulted in a mix of different principles of illustration in one publication. These principles are: (1) emblematic: the title, image, and text form a three-part structure; (2) encyclopedic: the sheet contains separate numbered images of the same type of objects excluded from the visual context; (3) narrative: the plot, expressive and figurative, including caricature, illustrations are readily used in an educational book due to their persuasiveness. Each of these principles has its own ways of displaying coherence. An encyclopedic illustration shows an object in a series of similar ones, in an enumeration, shows the structure of the object. An emblem gives its symbolic and allegorical interpretation. A narrative illustration shows its functions and its involvement in causal relations, depicting the environment of events and objects. The children's book of the studied period tends to integrate all these ways. While the emblem as an independent intermedial genre degrades, certain elements of the emblematic tradition are actively borrowed by new forms of publications. The emblem gives the European book of modern times the most important intermedial tools for displaying universal coherence, the world as a system. The change of the epochs leads to an inevitable blurring of the meaning of the emblematic sign. The transitive nature of the analysed period is expressed in the search for a new intermedial form of coherence, similar to the lost emblematic bimodality of the text and illustration in terms of effectiveness. In the search for such a form, encyclopedic publications that claimed to be all-encompassing use the emblematic and narrative principles of illustration. In turn, the narrative illustration, driven by a similar desire for inclusiveness, consistency, and universality, absorbs the emblematic and encyclopedic principles.

References

1. Sergienko, I. (2017) German Authors for Russian Children: Children's Books in Russia at the End of the 18th Century. *Detskie chteniya – Children's Readings: Studies in Children's Literature*. 2(012). pp. 382–411. (In Russian).
2. Kostyukhina, M.S. (2008) *Zolotoe zerkalo: Russkaya literatura dlya detey XVIII–XIX v.* [Golden Mirror: Russian Literature for Children of the 18th – 19th centuries]. Moscow: OGI.

3. Rebecchini, D. (2017) Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy Zhukovskogo i ikh prakticheskoe znachenie [The world of symbols: Zhukovsky's mnemonic tables and their practical meaning]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.

4. Yates, F. (1997) *Iskusstvo pamyati* [The Art of Memory]. Translated from English. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

5. Dolgushin, D.V. (2018) The “pedagogical poem” of V. Zhukovsky (on unpublished materials). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/62/7

6. Nikonova, N.E. (2014) V.A. Zhukovsky as the coeval of the pedagogic epoch in Germany: German literature about upbringing and artistic pursuits of the poet in 1840–1850. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 87–124. (In Russian).

7. Zelenin, D.A. (2017) *Poetika knizhnoy emblem* [Book Logo Poetics]. Philology Cand. Diss. Moscow.

8. Anon. (1816) *Poleznyya i zanimatel'nyya emblem, Izbrannyya iz luchshikh i prevoskhodnykh pisateley, Dlya Detey* [Useful and entertaining logos, selected from the best and excellent writers for Children]. Moscow: N.S. Vsevolzhsky.

9. [Dilthey, P.G.] (1768) *Detskoy atlas ili Novoy udobnoy i dokazatel'noy sposob k ucheniyu geografii, ispravlennoy i umnozhennoy Fillipom Genrikhom Dilteem, oboikh Prav Doktorom i Professorom Publichnom Yurisprudentsii i istorii, pereveden pod rukovodstvom togozhe Prof. s frantsuzskago na rossiyskiy yazyk gvardii Izmaylovskogo polku Serzhantom Mikhaylom Aleksandrovichem g. Novosil'tsovym, i gvardii Preobrazhenskago polku Kapralom Ivanom Dmitrievichem g. Karpovym* [Children's Atlas or New Convenient and Evidence-Based Method for Teaching Geography, Corrected and Multiplied by Phillip Heinrich Dilthey, Law Doctor and Professor of Public Jurisprudence and History, translated from French into Russian by Izmailovsky Guard Regiment Sergeant Mikhail Aleksandrovich Novosiltsov, and Preobrazhensky Guard Regiment Corporal Ivan Dmitrievich Karpov]. Vol. 1. Moscow: Moscow Imperial University.

10. Voit, J.P. (1784) *Zrelishche prirody i khudozhestv* [Spectacle of Nature and Arts]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

11. Anon. (1804) *Novoe zrelishche vselennyya, predstavlennoe iz Tsarstva prirody, iskusstva, nrayov i obyknovennoy zhizni dlya detey oboego pola, k priyatnomu i poleznomu ikh uprazhneniyu* [A new spectacle of the universe, presented from the kingdom of nature, art, morals and ordinary life for children of both sexes, to their pleasant and useful exercise]. Translated from German. Moscow: Univ. Tip.

12. Lyubiy, F. (ed.) (1807) *Novaya kartinnaya galereya dlya detey, soderzhashchaya v sebe predmety iz tsarstva prirody, nauki, khudozhestva i masterstva, tshchatel'no s natury srisovannyye i na Rossiyskom, Frantsuzskom, Nemetskom, Italiyanskom i Anglinskom yazykakh vnyatno opisannyye* [A new picture gallery for children, containing objects from the kingdom of nature, science, art and crafts, carefully sketched from nature and clearly described in Russian, French, German, Italian and English]. Pt. 2. Translated by F.A. Zeidel. Moscow: Tip. Fedora Lyubiya.

13. [Ville, G.A.] (1817) *Svet zrimyy v litsakh ili Velichie i mnogoobraznost' Zizhditelevykh namereniy otkryvayushchiesya v prirode i vo nrvakh, ob"yasnennyya fisicheskimi nrvstvennymi izobrazheniyami, ukrashennykh dostoynykh sikh predmetom slovom: v pol'zu vsyakogo sostoyaniya lyudyam, a naipache molodym vityam, stikhotvortsam, zhivopistsami drugim khudozhnikam* [Visible light in persons or the Greatness and diversity of the Creator's intentions revealed in nature and in manners, explained by physical and moral images, decorated with a word worthy of these things: for the benefit of every state of people, and especially for young poets and artists]. Translated from German by I. Khmel'nitsky. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

14. [Blanchard, P.] (1811) *Sokrovishche dlya detey, ili Beztseynoy podarok "milym malyutkam" na novyy 1811 god* [A treasure for children, or a priceless gift for cute babies for the new year of 1811]. Translated from French. Moscow: Univ. Tip.

15. [Masselen, G.] (1821) *Svet v malom vide ili Zhizn' Chelovecheskaya v Protiopolozhnykh otnosheniyyakh* [Light in a small form or Human Life in Opposite Relationships]. Moscow: Tip. Avgusta Semena.

16. Anon. (1824) *Malyutka Ekonomka, ili Dobraya doch'. S gravirovannymi kartinkami* [Little Housekeeper, or Kind Daughter. With engraved pictures]. Translated from German. Moscow: Tip. Pavla Kuznetsova.

17. Anon. (1840) *Polnaya azbuka Russkaya, Latinskaya, Grecheskaya, Nemetskaya i Frantsuzskaya. S prisovokupleniem vseh pravil dlya proiznosheniya v sikh yazykakh* [Complete Russian, Latin, Greek, German and French Alphabet. With the rules for pronunciation in these languages]. Moscow: Univ. Tip.

18. [Vavilov, P.A.] (1818) *Dragotsennyy podarok detyam, ili Novaya i polnaya entsiklopedicheskaya rossiyskaya azbuka, sodержashchaya v sebe vse nuzhny i poleznyye poznaniya dlya detey i drugikh nekotorigo vozrasta i zvaniya lyudey s 5yu vin'etami i 15yu iskustno gravirovannymi kartinami* [A precious gift for children, or a new and complete Russian encyclopedic alphabet, containing all the necessary and useful knowledge for children and others of a certain age and rank of people with 5 vignettes and 15 artfully engraved paintings]. Moscow: Tip. N.S. Vsevolzhskago.

19. Antipova, I.A. (2002) *Obrazovatel'naya kniga dlya detey v Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.: voprosy izdaniya i tipologii* [An educational book for children in Russia in the second half of the 18th century: issues of publication and typology]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.